

Д. А. Баранов

Народы и территории в музейных
репрезентациях: между
наукой и идеологией

Баранов Дмитрий Александрович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, заведующий отделом, кандидат исторических наук; dmitry.baranov@list.ru

В докладе анализируется использование понятия «территория» в музейных репрезентациях советского периода. В зависимости от внешнего идеологического фона экспозиции и выставки Государственного музея этнографии базировались на этническом, административном или географическом принципе. В позднесоветское время для экспонирования современности предпринималась попытка перевести понятие «этнические различия» народов Советского Союза, которые не вписывались в концепцию новой общности, в географическое измерение. Традиционные элементы в культуре оказались оторванными от конкретного этноса и стали частью общесоветской культуры, географическая вариативность которой могла трактоваться вполне нейтрально – как результат адаптации к окружающим природным условиям.

Ключевые слова: территория, этнографический музей, советский народ, экспозиция, культура, идеология.

Когда в исследованиях понятие «территория» перестает быть фактом физической географии, оно превращается в инструмент, использование которого преследует зачастую далекие от чистой науки цели. Это особенно актуально для музейных репрезентаций, в первую очередь, экспозиций и выставок, демонстрирующих этнокультурное разнообразие государства. В частности, речь идет о принципах показа народов – географическом или этническом.

В Этнографическом отделе (далее ЭО) «государственно-географические» принципы показа народонаселения России/СССР, содержащие такие аспекты, как «этнизация» территории и «территориализация» культуры, могли составить аргументы в поддержку представлений о формировании единства российской

нации/советского народа, а так же являться основанием для выводов о безграничном этническом разнообразии государства¹. Подобная двойственность территориального экспонирования, заключавшего в себе потенциальные возможности разновекторной интерпретации «этнографического протяжения отечества», а главное – осознание содержащихся в географическом принципе потаенных угроз для демонстрирования целостности государственного пространства, во многом определяли характер экспозиций музея в течение всего времени его существования. Тем не менее, был один фактор, который послужил общим знаменателем для самых разнообразных музейных коллекций – от корякского гарпуна до кубачинского подноса. Это схождение неповторимых траекторий их перемещения в одно место – этнографический отдел.

Сам национальный статус музея определил, в целом, оптику взгляда на народы России и принципы их классификации, диктующие размещение материала в экспозиции. Именно географическое измерение проживания народов, закрепление за ними определенной территории стали на начальном этапе ориентиром для составления общей экспозиционной карты, поскольку этнический принцип показа делал весьма проблематичным возможность выстроить желаемую этническую иерархию с русским народом во главе. Действительно, экспонирование культур в историко-географическом контексте позволяло продемонстрировать доминирующее положение русского народа, поскольку территория его расселения практически совпадала с государственными границами и это обстоятельство предполагало бы показ русских во всех залах экспозиции.

После установления советской власти новый политический контекст потребовал коррекции выставочной стратегии музея. Проведение политики коренизации и осуществление беспрецедентного эксперимента по внедрению этнотерриториального федерализма предполагали, что каждая нация должна иметь не только свою культуру, но и свою территорию². Культуры, а главное территории, окончательно получили «этническую атрибуцию».

В советском модернизационном проекте русский народ занимал исключительное место: он одновременно выступал и как объект, и как субъект его реализации, что позволило некоторым исследователям говорить об особом «российском шизофреническом ориентализме»³. Сложение же собственно советского народа иногда прямо описывалось через категории «консолидации» и «ассимиляции»⁴, стирания этнических границ, что парадок-

сальным образом не исключало развития «прогрессивных явлений» национальных культур и переноса их на пространство всей советской культуры. В основе последней, как предполагалось по умолчанию, лежит культура русского народа. Русский язык в этом процессе выступал в качестве «важнейшего средства общенародности СССР и сближения советских культур»⁵, а процессы русификации, усилившиеся в послевоенное время, способствовали формированию образа органически единого советского народа и строительству интернационального социализма.

Как же решалась задача экспонирования «деэтнизированной» (исключая некоторые черты «русскости») советской культуры при никем не отмененной установке демонстрировать музейными средствами этнокультурное многообразие государства? Первый шаг на этом пути – подмена этнической территории административной, то есть предполагалось сделать акцент на показе республик и иных административно-территориальных образований. При кажущейся своей частности это решение имело далеко идущие последствия. Во-первых, наметилась тенденция для так называемой «деэтнографизации» экспозиций и самой структуры музея, что вначале проявилось в их переименованиях, которые стали соответствовать административному делению страны. Так, четыре прежних отделения: «Этнография великорусского народа и финских племен», «Этнография белорусского и малорусского народов и славян», «Этнография народов Кавказа, Средней Азии и турецких племен» и «Этнография народов Сибири и Дальнего Востока» – были преобразованы в шесть новых: «РСФСР с автономными республиками и областями»; «УССР»; «БССР»; «Крым и Кавказ»; «Средняя Азия»; «Сибирское отделение». В наименования экспозиций также были введены административные наименования «Украинское село до и после Октября», «Белорусы БССР», «Ленинградская область и Карелия» и т.д. Во-вторых, встал вопрос: следует показывать только доминирующие («титильные») или все народы республик? Эта проблема так и не получила однозначного решения, сотрудники ЭО согласились только, что в показе надо сосредоточиться на процессе превращения народностей в «советские национальности». Чуть позже, в 1930-х гг., народности, чтобы быть признанными национальностями, должны были иметь не только свою культуру, но и территорию и демонстрировать экономическую жизнеспособность. Само понятие «народность» стало относиться только к малочисленным, экономически неразвитым народам.

Значимым шагом по «детерриториализации» этнических/традиционных черт культуры и «деэтнизации» экспозиций, посвя-

щенных современной культуре, стало принятое в 1956 г. решение показывать современность в одном зале, что решало задачу демонстрации единой советской культуры народов СССР. Очевидно, что данная выставочная стратегия отвечала потребности официальной идеологии в преодолении различий культур народов СССР. Культурное разнообразие пока еще не рассматривалось как ресурс, важный для формирования общесоветской идентичности. Именно в это время в музейном нарративе начинает встречаться слово «культура» в единственном числе для описания современности: советская культура, общесоветская культура, культура советского народа и т.д. Но этническое разнообразие оставалось столь явным, что игнорировать его в музейных выставках не представлялось возможным.

Несколько позже была предпринята попытка перевести понятие «этнические различия» народов Советского Союза, которые не вписывались в концепцию новой общности, в географическое измерение. Это позволило говорить о достаточно нейтральной в идеологическом отношении локальной вариативности культуры: «формирование советского народа как новой интернациональной общегосударственной общности и соответственно единой его культуры, отнюдь не означает исчезновения, отрицания культурных традиций как у каждого народа в отдельности, так и в пределах историко-культурных областей. Именно в последних находят проявление локальные варианты общесоветской культуры»⁶. Этнически выраженные явления культуры теряют свою территориальную укорененность, поскольку некоторые традиционные вещи, имеющие статус этнической марки – русские косоворотки, украинские «гуцулки», среднеазиатские тюбетейки, ковры и паласы, узбекское платье, прибалтийские фибулы и керамика, татарская узорная обувь, кавказские войлочные шляпы и папахи и т.д., вошедшие в моду у населения в послевоенное время⁷, стали, в определенной мере, частью общесоветской культуры. В некоторых случаях основанием для перевода понятия «этнические различия» в географическое измерение послужило приписывание традиционным компонентам культуры адаптивных функций к окружающим природным условиям. Так, в Сибири общераспространенными стали малица и унты; на Северном Кавказе – галифе, «кавказская» рубаша, сапоги и папаха; в Средней Азии – узбекское женское платье из шелка, «красивое, легкое и удобное в жаркую летнюю погоду <...> стали носить во многих районах киргизки, казашки и русские, живущие в Средней Азии»⁸, а русские павловопосадские головные платки почти повсеместно вошли в среднеазиатский женский костюм. Таким

образом, традиционные элементы в культуре отчуждались от конкретного этноса и становились частью культуры советского народа, географическая вариативность которой могла трактоваться вполне нейтрально – как результат адаптации к суровой окружающей среде.

Итак, советская социалистическая культура предстает таким полем безобидных, территориально очерченных различий, картографирование которых жестко очерчено установленными границами – границами проживания советского народа. Но у этого народа и у этого социализма, как отмечает Дж. Хоскинг, было отчетливо русское лицо⁹.

¹ Т. Беннет, говоря о факторах, сопровождающих образование наций, говорит о «a historicity of a territory and territorialisation of a history» (Bennett *The Birth of the Museum. History, theory, politics.* London and New-York. Routledge. 2009. P. 140).

² Коткин С. Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте//Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Европейский университет; Летний сад, 2001. С. 272.

³ «Субъект и объект внутреннего российского ориентализма совмещаются в одном сознании, которое само манифестирует неманифестированное себя, которое наблюдает над ненаблюдающим собой, которое рефлексивирует над собой нерелексирующим. Внутренний российский ориентализм превращается в шизофренический ориентализм» – Кобрин К. От патерналистского проекта власти к шизофрени: «ориентализм» как российская проблема (на полях Эдварда Саида // НЗ, 2008, № 3 (59) / URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html>

⁴ Комплектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов современного периода: Научно-методические указания для исторических и краеведческих музеев / Сост. Г. Н. Бабаянц, Д. А. Горб, Е. Н. Студенецкая и др. Л.: ГМЭ народов СССР, 1979. С. 8.

⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1460. Л. 101.

⁶ Решетов А. М. Современные этнические процессы в СССР и задачи научно-пропагандистской деятельности музеев//Музей и этнографические проблемы современности: Тезисы докладов на Научно-практической многосторонней конференции/Государственный музей этнографии народов СССР. Л., 1984. С. 5–7.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1461. Л. 31; Д. 1512. Л. 33.

⁸ Комплектование... С. 8.

⁹ Хоскинг Дж. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 299. Любопытно отметить случаи перевода литературных произведений на разные языки народов СССР, минуя, так сказать, язык межнационального общения – русский: с балкарского на киргизский, с казахского на эстонский (см.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1844. Л. 32).

D. A. Baranov

Peoples and Territories in Museum Representations:
Between Science and Ideology

Baranov Dmitry Aleksandrovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, head of department, Ph. D. (History); dmitry.baranov@list.ru

The paper analyzes the “territory” concept used in the soviet period museum representations. Depending on the ideological background, expositions and exhibitions in The State Museum of Ethnography were organized around ethnic, administrative or territorial principles. In the late soviet times, there were attempts to switch the modern displays from “ethnic diversity” of the soviet peoples that was at odds with the new commonality concept, to the territorial paradigm. Various cultures’ traditional elements were divorced from their ethnic roots and became parts of the common soviet culture. Its variability could then be interpreted in perfectly neutral terms: as a result of people adapting to surrounding environmental conditions.

Keywords: territory, museum of ethnography, the soviet people, exposition, culture, ideology.